

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ 70-х ГОДОВ

Редкий революционер-народник первой половины 70-х годов отправлялся «в народ», не захватив с собой несколько запрещенных книжек. Народнические типографии стремились удовлетворить все возраставший спрос на такого рода «крамольную» литературу. В течение 1873—1875 гг. было издано, по подсчетам В. Ф. Захариной, 23 популярных брошюры.¹

Однако революционеры не ограничивались одними нелегальными изданиями. В своей пропаганде они использовали также целый ряд легальных произведений. В большом ходу были стихи Н. А. Некрасова, рассказы Н. И. Наумова, М. К. Цибриковой, А. П. Голицынского, Ф. Д. Нефедова и др.

³³ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 528, лл. 356—356 об. (копия письма А. Д. Михайлову).

³⁴ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 5, д. 35.

³⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 311.

¹ В. Ф. Захарина. Революционная пропагандистская литература 70-х годов XIX в. Исторические записки, т. 71, 1962, стр. 76.

Использовавшиеся народниками легальные сочинения не были написаны специально для пропаганды. Поэтому исследователь может только предполагать, на каких эпизодах и деталях заострялось внимание слушателей, как строилась сама беседа, какие конкретные выводы следовали в итоге.²

Хранящаяся в фонде вещественных доказательств Особого присутствия Сената по «процессу 193-х» в бумагах руководителя казанского народнического кружка 1872—1874 гг. Е. Овчинникова рукопись в известной степени восполняет отмеченный пробел в наших знаниях. Рукопись эта — на трех с половиной тетрадных листах — заключает в себе вопросы по содержанию четырех легальных рассказов: «Дедушки Егора» М. К. Цебриковой, «Очерков фабричной жизни» А. П. Голицынского, «Крестьянских выборов» и «Юровой» Н. И. Наумова.³ Очевидно, после чтения пропагандист должен был по этим вопросам вести беседу с крестьянами или рабочими.

Подобные вопросники составлялись не только в Казани. А. Корнилова-Мороз в своих воспоминаниях пишет, что и в Петербурге, в кружке М. Натансона, для пропагандистских занятий с рабочими «при чтении даже легальных рассказов, как „Дедушка Егор“, „История одного крестьянина“ Эркмана-Шатриана и др., былработан длинный ряд вопросов, неизменно приводивший к выводу о необходимости социальной революции для освобождения народа от нищеты, невежества и эксплуатации его труда».⁴

По-видимому, чтение легальных книжек и следующая за тем беседа о прочитанном по заранее подготовленному письменному плану были одной из распространенных форм пропаганды в народе в первой половине 70-х годов.

Не имея возможности в равной степени говорить о всех рассказах, к которым сохранились вопросы, остановимся более подробно на «Крестьянских выборах» Н. И. Наумова.

² До последнего времени народническая пропагандистская литература почти не привлекала внимание исследователей. В 1962 г. появилась большая статья В. Ф. Захариной (см. предыдущую сноску). В статье анализируются народнические книги и брошюры, написанные с определенной практической целью самими революционерами. Поэтому по их содержанию можно непосредственно судить о содержании народнической пропаганды. Иное дело — легальные сочинения, которые народники читали крестьянам и рабочим. Анализ их содержания позволяет делать лишь предположительные выводы о том, что именно и в какой степени интересовало революционеров в том или ином рассказе. Примером такого гипотетического исследования является статья М. Клевенского «Художественная литература 70-х годов на службе революции (Сказки Кота-Мурлыки)» (Литература и марксизм, 1931, № 4).

³ Рукопись содержит еще несколько вопросов к рассказу «Безоброчный» Ф. Д. Нефедова и на этом обрывается. Перечисленные рассказы были широко распространены в 70-х годах. Они много раз упоминаются в обвинительном акте по «процессу 193-х» при перечислении обнаруженной во время обысков литературы. Рукопись см. ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 2, д. 1759, лл. 1—4.

⁴ А. Корнилова-Мороз. Перовская и кружок чайковцев. М., 1929, стр. 47—48.

В 70-х годах Н. И. Наумов пользовался большой популярностью в кругах народнической интеллигенции. В 1874 г. по заказу «чайковцев» (кружок М. Натансона и др.) в одной из легальных типографий был издан большой сборник его произведений под названием «Сила солому ломит», куда вошли и «Крестьянские выборы». Основное содержание этого рассказа сводится к следующему.

Кулак Данила Ираклиевич (Еракыч) Безсомыкин вместе с доверенным своим Трофимом Кирилловичем Шебалиным берут казенный подряд на поставку хлеба. Чтобы диктовать крестьянам свои цены на хлеб, они привлекают к участию в подряде еще несколько местных кулаков. Но их планам может помешать известный своей честностью и заботой о мирских интересах крестьянин Егор Семенович Бычков, которого крестьяне хотят выбрать волостным старшиной. Стремясь не допустить избрание Бычкова, кулаки пускают в ход клевету и подкуп. Кроме того, Данила Ираклиевич заручается поддержкой мирового посредника Клементия Ивановича Шлепфельда и волостного писаря.

Во время выборов мировой посредник открыто заявляет крестьянскому сходу, что не утвердит Бычкова в должности старшины. Уступая нажиму со стороны кулаков и начальства, сход в конце концов выбирает старшиной кулацкого ставленника Т. К. Шебалина. Бычков же в скором времени по приказу мирового посредника арестовывается без предъявления обвинения. Крестьяне сочувствуют Бычкову, но одним сочувствием и ограничиваются. Только через несколько месяцев ему удается освободиться благодаря случайному заступничеству проезжего судебного заседателя. В итоге Бычков был вынужден переехать в другую волость, бросив разоренное хозяйство.

Какие идеи хотели внушить слушателям члены казанского кружка при чтении данного рассказа? Это видно из составленных к нему вопросов. Воспроизведем их полностью.

«КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫБОРЫ» (НАУМОВА)

Какое влияние имеет сбор податей на поддержку кулачества? Какие выгоды предстоят Данил[е] Ер[акычу] и другим кулакам во взаимной поддержке? Для разъяснения: 1) могли ли бы они спустить так низко цену на хлеб если бы [не] сговорились между собой? 2) Оказали ли бы они такое сильное влияние на крестьян, если бы действовали порознь?

Почему кулакам было нужно, чтоб в старшинах сидел свой человек? Какие средства употребляли они, чтобы не дать Бычкову быть старшиной? Какое влияние имели эти средства на свободный выбор старшины? Почему писарь боялся выбора Б[ычкова] в старшины? Как смотрел К[лементий] Ив[анович] на крестьян? Для чего писарь распространял слухи о Б[ычкове]? Каким образом мог К[лементий]

Ив[анович] получать выгоду от крестьян? Почему же посредник смотрел на Б[ычкова], как на врага? Может ли действительно посредник знать лучше крестьян, кто способен быть старшиной? Могут ли крестьяне свободно выбирать своих выборных, когда посредник имеет такую власть? Как пользуется посредник своею властью, когда встречается с такими людьми, как Б[ычков]? Почему посредник может безнаказанно [злоупотреблять] своею властью? Не у всех ли чиновников, больших и малых, одна и та же выгода? Случай с Б[ычковым] встречается часто или редко? Для чего чиновникам необходимо утверждать крестьянские выборы?

Какие отношения между писарем и посредником? Какую силу придают эти отношения писарю? Чем помогают эти отношения посреднику? Не сходны ли выгоды кулаков и волостного начальства? Какую же помощь оказывает волостное начальство кулакам? Не схожи ли выгоды кулаков и посредника, т. е. чиновников? Какую же поддержку оказывает посредник кулакам?

Мог ли бы мир своим единодушным заступничеством облегчить участь Б[ычкова]? Так ли легко справиться с целым миром, как с одним человек[ом]? Мог ли бы писарь так жестоко поступать с Б[ычковым], если б мир за него заступился?

Что за человек Д[анила] Ер[акыч]? Вследствие ли своего ума он разбогател? Верен ли взгляд крестьян, что богатый и умный одно и то же? Что за человек Тр[офим]? Как он нашел свое богатство? Зачем Тр[офим] добывался места старшины? Можно ли уважать человека, когда он добывает богатство такими путями?

Вывод. Какие отношения между крестьянами, кулаками и начальством? Как влияет связь кулаков и (слово пропущено) на свободу управления крестьян?

Судя по вопросам, казанские народники хотели в данном случае прежде всего сосредоточить внимание слушателей на проблеме отношений между крестьянами и кулаками. Этой теме посвящено наибольшее количество вопросов и итоговый вывод из всей беседы. Разоблачению кулачества революционеры-семидесятники придавали важное значение. Считая кулаков случайным явлением в русской деревне, плодом неблагоприятных внешних обстоятельств, они не упускали возможности наглядно показать крестьянам полную противоположность их интересов выгодам «мироедов». Очень подходящим для этой цели был также другой рассказ Н. И. Наумова — «Юровая». «Возможно ли крестьянам жить в довольстве при кулачестве?» — спрашивал в заключение пропагандист. Отрицательный ответ предreshался всем предшествующим ходом беседы.

Хотя основное содержание беседы определялось сюжетом того или иного рассказа, пропагандист-народник во всех четырех изве-

стных нам рассказах старался найти возможность убедить крестьян в необходимости объединения для защиты своих интересов.

В вопросах к «Крестьянским выборам» организованность кулаков явно противопоставляется неорганизованности крестьян. Пропагандист постепенно старается подвести слушателей к выводу о том, что пассивность односельчан Бычкова явилась главной причиной всех их бед. «Так ли легко справиться с целым миром, как с одним человеком?», «Мог ли мир хоть немного помочь себе, если бы все крепко стояли друг за друга?», «Что считал важнее дедушка Егор, свои ли собственные цели или дела целого мира?» — вот примеры вопросов к различным рассказам, которые должны были пробуждать в крестьянской аудитории сознание важности взаимной поддержки в борьбе с многочисленными покусителями на мужицкое благосостояние.

Народники использовали легальные произведения также для разоблачения властей. При помощи специально подобранных вопросов они завязывали разговор об эксплуатации на фабриках, о притеснениях со стороны помещиков, о бесправии крестьян, об их тяжелом экономическом положении и на многие другие, более частные темы.

Для того, чтобы было легче разъяснить крестьянам ту или иную мысль, пропагандист строил беседу на материале конкретных событий, развивавшихся в данном рассказе. Но иногда он считал возможным задать вопрос обобщающий. Так, после серии узких, конкретных вопросов на тему злоупотребления властью со стороны мирового посредника во время крестьянских выборов (в одноименном рассказе) он спрашивал: «Не у всех ли чиновников, больших и малых, одна и та же выгода?», «Случай с Бычковым встречается часто или редко?», «Для чего чиновникам необходимо утверждать крестьянские выборы?». Или еще примеры: «Чем же отличается мужик от князя, что должен так страдать?» («Дедушка Егор»), «Что же поддерживает кулачество?» («Юровая») и т. д.

Легальную литературу можно было использовать по-разному. Нетрудно заметить, что вопросы к рассказу «Крестьянские выборы» не ставят прямо проблему неизбежности революции (то же можно сказать и о вопросах к другим рассказам). Ведя беседы по такому плану, пропагандист мог все время оставаться в рамках легальности, агитируя крестьян лишь на «законный» протест против злоупотреблений властью или призывая их объединиться для борьбы с кулацким засильем. В то же время, читая литературу нелегальную, обойти вопрос о революции было совершенно невозможно. Может быть, для членов казанского кружка (как, впрочем, и для других кружков) чтение легальных рассказов было первой ступенью в пропагандистской работе с крестьянами, когда они еще опасались говорить о бунтах с незнакомыми пока людьми. В дальнейшем они могли перейти к чтению уже настоящих «бун-

товских» брошюр или при желании на материале того же «Дедушки Егора», как пишет А. Корнилова-Мороз, прийти к выводу «о необходимости социальной революции».

Архивы сохранили очень мало документов, современных движению и исходящих из революционных народнических кругов, в которых говорилось бы о том, как на практике велась пропаганда в народе, в частности, как для этой цели использовалась легальная литература. Этим и определяется значение той маленькой рукописи, которой посвящено настоящее сообщение.
